

Нечестивец.

Так юная хозяйка любит меня называть. Ну и вздор. Я ни в чем не виноват. Всё-таки я прожил не такую жизнь, как все остальные. Будучи оружием, я считаю судьбу не просто какой-то красивой безделушкой. В ответ на это юная хозяйка часто упрекает меня в софистике. Впрочем, неважно. Я слишком стар, чтобы переживать из-за мнения какой-то девчушки. Но иногда, когда она называет меня нечестивцем, мне становится немного обидно. Поэтому думаю... что не стану её есть. Хочу, чтобы она со мной в руках ступила по пути зла. Тогда она ничем не будет отличаться от меня. У меня точно всё получится.

Больше обидного прозвища меня задевают её глаза. Чистые, словно зеркало, которые, кажется, видят меня насквозь. В то же время от жалости в её взгляде мне отчего-то становится неуютно. Ненавижу чистоту и жалостливость настолько, что аж хочется её съесть. Но я держусь. Хочу застать тот день, когда она уподобится мне. Останется ли после этого её взгляд таким же жалостливым и чистым, словно звёздный свет?

В первый год ничего не вышло. Я не ожидал, что, завладев мной, она не станет пользоваться моей силой, не говоря о том, чтобы кого-то убить. Хоть этот год и выдался для неё не очень удачным.

Ситуация повторялась на следующий. На пятый год без еды жажда крови во мне стала практически неодолимой. Из-за её нежелания пользоваться мной во мне поселились жуткий голод и безумное желание уничтожить всё вокруг. И снова я увидел эти чистые глаза. Эту жалость. До сих пор не могу забыть тот наш разговор.

— Тебе обязательно нужно убивать?

— Я голоден!

— Ясно.

После этого хозяйка рассекла запястье и окропила меня свежей кровью. Я жадно принялся пить, пьянея от этой сладости. При взгляде на её лицо я увидел постепенно впадающие щеки и сморщивающуюся кожу, но всё такие же незамутнённые, чистые глаза. И тут я немного струхнул. Что именно меня напугало... я не знаю. Впервые в жизни я взял под контроль инстинкты. Тогда я ничего не сказал, но с тех пор еще сильнее возненавидел эту чистоту. Я пообещал себе, что когда-нибудь наступит день и этот взгляд изменится.

В тот день я верил, что этот момент наступит очень скоро. На девятый год с нашего знакомства в секту хозяйки вторглись дьявольские практики и перебили всех.

Когда она вернулась и увидела руины родной секты и валяющиеся повсюду изломанные тела её знакомых и друзей... по её щекам побежали слёзы. Я прошептал ей, что могу помочь отомстить. Достаточно высвободить мою силу. И тогда я убью их всех. Мы можем пройти по каждому малому миру и отправить на тот свет всех и каждого, кто посмеет встать у нас на пути. Я искушал, пытался направлять её. До сих пор не понимаю, где допустил ошибку.

Она не стала использовать меня. Вместо этого она молча покинула секту, хотя я отчетливо чувствовал бушующие внутри неё эмоции.

Много лет спустя. Двадцать восемь, если быть точным. Один из её верных зверей-хранителей был жестоко убит, но и тогда она ничего не сказала. На шестьдесят пятый год моей службы один её старый друг трагически погиб. И снова она стоически промолчала.

Рождения и смерти. Прощания и расставания. Из раза в раз жизнь несправедливо обходилась с ней. Путешествие через этот мрачный, безрадостный мир изматывало её. Но взгляд хозяйки никогда не менялся.

Не раз и не два за год мне приходилось накрывал её своей силой. В противном случае, боюсь, она бы погибла. Я никак не мог понять её, поэтому как-то задал ей вопрос.

— Почему ты это делаешь?

— Потому что я твоя должница. Я не хочу, чтобы ты убивал. Пусть мне грустно, пусть меня изнутри сжигает жажда мести, пусть жизнь кажется мне сущей пыткой, для меня нет ничего важнее... тебя.

Я ей не поверил. Мною крепко завладела идея изменить эти глаза. Я держал голод в узде, позволяя хозяйке окроплять меня кровью раз в десять лет.

Вместе мы путешествовали по звёздному небу. Может, из-за моего влияния, может, так сложилась судьба, но последующие годы складывались для хозяйки всё хуже. Из раза в раз она не могла ничего изменить, только всё дальше погружаться в пучину отчаяния. В такие моменты я предлагал всё изменить. Ей нужно только согласиться. Но она не поддавалась вплоть до глубоких седин. До самой смерти.

Глядя на её тело, я должен был обрадоваться, ведь мне наконец удалось освободиться. Теперь-то я мог снова начать убивать и поглощать души. Никто мне больше не указ. Больше мне не придется видеть этот взгляд. Чистый, словно горный пруд. Не придется терпеть её жалость. Так почему же... я запечатал воспоминания о том роковом дне?

Не знаю почему, но после её смерти я не проронил ни звука. Где-то глубоко внутри появился комок тяжелых, давящих эмоций. В таком настроении мне стала претить сама мысль об убийствах. Я не хотел признавать себе, что молодая девушка за каких-то несколько сотен лет совместных странствий смогла повлиять на меня. Впоследствии я повстречал еще много хозяев, но после неё всё больше людей отказывались от меня по своей воле. Потому что я больше не убивал, моё лезвие затупилось, ибо мной овладела печаль. В таком настроении моя сила... постепенно таяла.

Спустя десять тысяч лет из магического оружия я превратился в обычную железяку. Лезвие покрывалось ржавчиной, старые привычки забылись, да и сам я разрушался. Моя жизнь... постепенно угасала.

Я сам не понимал, почему так случилось, пока в самый последний момент, когда жизнь уже почти оставила меня, не сломался замок, запиравший воспоминания о самом трагичном дне моей жизни.

Красная гора. На вершине лежала она. Нежно поглаживая меня, она смотрела на звёзды. Её волосы белее снега, лицо покрывали морщины, но взгляд ни капли не изменился с нашей первой встречи.

— На что ты смотришь? — спросил я.

— На звёздное небо.

— Тьма кромешная. Что интересного там можно увидеть?

— Для меня в непроглядной тьме этого мира нет ничего ярче света звёзд.

— Я не понимаю.

— Тогда продолжай смотреть. Сто, тысячу лет... если не успеешь, то и в следующей жизни. Продолжай смотреть и однажды ты всё поймешь.

— В следующей жизни? У меня? Сомневаюсь, что в следующей жизни я буду могучим оружием!

— Ты знаешь, что живые мертвецы... рождаются из горечи и обиды. Они обречены на вечную жизнь во тьме. Я буду рядом. Это моё искупление.

Долгое время я молчал, пока наконец не спросил:

— Искупление? Почему ты всегда говоришь, что обязана мне?

Но ответа я так и не услышал. Моё лезвие было обагрено кровью. В этот раз она не отвела руку... или я забыл остановиться. Или же нет. Быть может, это я убил её.

Словно в забытьи я смотрел на её тело... Теперь я вспомнил, почему закрыл под замок воспоминания. Всё из-за одной короткой фразы.

"Я буду рядом".

В тот момент я осознал, что с самого рождения до сих пор был очень одинок. Еще я понял, что именно её искал всё это время. Убив её, моя жизнь потеряла всякий смысл. От нахлынувших воспоминаний я с трудом поднял ржавый клинок, чтобы увидеть звёздное небо...

Горячие слезы обожгли щеки, но не в воспоминаниях магического оружия, а сидящего в позе лотоса Ван Баолэ. Когда он наконец открыл глаза, бесконечная воля пожирания пышно расцвела в его душе, подавив даже поглощающее семечко. Один из естественных законов установил резонанс, который быстро достиг отметки в 97-98%, как это произошло с дао света. Но Ван Баолэ не почувствовал даже намека на радость. Он опустил голову и растерянно отрешенно на свои руки...

— Прошлые жизни... это всё действительно произошло? — пробормотал он. — Почему мои прошлые жизни... пронизывает карма... и каждый раз я встречаю её...

Ван Баолэ внезапно взмахнул кистью. В руке проступили смутные очертания тени... дьявольского оружия из прошлой жизни!